

Воспоминанія генералъ-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года ¹⁾.

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

30 ноября изъ Магалы на тройкѣ въ тарантасѣ поѣхалъ я опять въ Плевну. Въ Дольнемъ Дубнякѣ устроенъ былъ лазаретъ, наполненный ранеными. Изъ Плевны навстрѣчу часто попадались лазаретныя линейки и подводы съ турецкими ранеными. У моста собраны были плѣнные турки, пѣхота и кавалерія, охраняемая цѣпью солдатъ. Многіе изъ нихъ дрожали и жались отъ холода, разговаривали на непонятномъ языкѣ съ конвойными; когда желаетъ перебѣжать изъ одной группы въ другую. Между плѣнными были и мертвые, которыхъ отталкивали въ сторону. Далѣе проѣхать не было возможности; я остановился пріискать и купить себѣ турецкую лошадь. Офицерамъ дозволено было продавать лошадей, лучшія ужъ были раскуплены, равно какъ и оружіе все было отобрано. Удалось мнѣ купить маленькую лошадку кругленькую за 3 золотыхъ и названа была „Плевною“. Алексѣевъ тоже купилъ недурного жеребчика за 6 золотыхъ у турецкаго капитана.

Со слезами на глазахъ прощался плѣнный со своимъ конемъ, лошадь оказалась, дѣйствительно, очень хорошею, только мала ростомъ, какъ всѣ турецкія лошади.

Плѣннымъ дѣлали перекличку, сортировали ихъ, подъ наблюденіемъ генералъ-лейтенанта Скобелева I, присланнаго главнокомандующимъ. Продовольствіе плѣнныхъ возложено было на интенданта гренадерскаго корпуса полковника Миллера, съ ко-

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

торымъ познакомился я еще въ Кишеневѣ. Въ городъ Плевну я не поѣхалъ, было уже поздно, а по дорогѣ заѣхалъ въ Дольній-Дубнякъ на квартиру къ полковнику Миллеру погрѣться и выпить чаю. Хозяина не было дома, денщикъ его насъ угостилъ чаемъ и бѣлымъ хлѣбомъ, что для насъ составляло рѣдкость и лакомство. Въ Магалѣ съ большимъ трудомъ можно было и то не всегда достать десятокъ бѣлыхъ сухарей за 1 р. сер. Съ 1-го числа декабря сталъ выпадать снѣгъ, но таялъ и увеличивалъ распутицу. 3-го декабря получено было приказаніе Дохтурова однимъ переходомъ бригады перейти въ Пелишатъ и состоять въ распоряженіи главнокомандующаго. Этимъ кончилось участіе сводной бригады въ обложеніи Плевны въ 6-мъ участкѣ. Быть можетъ, при болѣе энергичномъ и рѣшительномъ начальникѣ 2-я бригада могла принять большее участіе въ сдачѣ Плевны. 4-го дек. рано утромъ съ большими затрудненіями начали вытаскивать обозъ и батареи по дорогѣ къ Дольнему-Дубняку. Не доходя Плевны на шоссе встрѣтили корпуснаго командира генерала Ганецкаго, который пропустилъ мимо себя полкъ, здороваясь по-эскадронно, благодарилъ за службу и подбадривалъ солдатъ. Онъ остался очень доволенъ видомъ полка и благодарилъ меня. Съ генераломъ Ганецкимъ выросъ какъ изъ земли и генералъ Дохтуровъ, который встрѣтилъ полкъ не ласково, а бранью и рѣзкими замѣчаніями, за то, что полкъ шелъ на мундштукахъ, въ киткахъ везли сѣно и ячмень на лошадяхъ, столько, сколько можно было везти, не обременяя лошадь.

Командира бригады генерала Лошкарева засыпалъ выговорами. На бѣду подѣхалъ къ Дохтурову командиръ бригады 9-й дивизіи генералъ Макаровъ, бывшій командиръ Московскаго драгунскаго полка; приложившись, снялъ перчатку и протянулъ руку Дохтурову, который свою руку отдернулъ назадъ. Сконфуженный Макаровъ отѣхалъ, и я осѣдлалъ свою лошадь, чтобы не быть свидѣтелемъ послѣдствій, которыя могли бы произойти, не будь Макаровъ человекомъ мягкимъ. Множество пѣхоты и артиллеріи пришлось обгонять. Начальникъ дивизіи приказалъ идти не въ Пелишатъ, а въ Порадимъ, мундштуки приказалъ снять, лошадей поить, кормить дорогою и ускакалъ, оставивъ по себѣ самое невыгодное впечатлѣніе. Черезъ мостъ у Плевны, на который вышелъ Османъ - паша, съ трудомъ по одному можно было пробраться, такъ запруженъ былъ повозками, жителями и ихъ скарбомъ домашнимъ. Весь этотъ людъ вышелъ изъ Плевны, желая послѣдовать за войсками Османа, а назадъ

въ городъ изъ боязни не возвращались. Женщины, дѣти, домашній скоть имѣли видъ дикаго табора. Черезъ городъ Плевну, полкъ пришелъ въ порядкѣ, расспрашивая у болгаръ дорогу въ Порадимъ. Ужъ вечерѣло, останавливаться кормить и быть застигнутымъ ночью, не зная дорогъ, было не резонно, надо было поспѣшить добраться до Порадима.

Часто приходилось спѣшиваться, чтобы людямъ дать согрѣться и лошадей облегчить, мосты по дорогѣ попадались разрушенные, приходилось объѣзжать по топкой мѣстности, лошадей переводить въ поводу, на все это шло время, а на дворѣ совершенно стемнѣло, только въ 8 ч. вечера добрались до Порадима. На звуки трубачей, квартирьеры вышли навстрѣчу, эскадроны развели по участкамъ.

Морозъ былъ порядочный. Мнѣ отведена была квартира, бывшая военнаго министра, рядомъ съ домикомъ, гдѣ помѣщался Государь. Безумный и безцѣльный переходъ въ 60 верстъ чуть не пагубно отразился на ввѣренную мнѣ часть. Фуража въ Порадимѣ не оказалось, расположенный здѣсь конвой Государь посылалъ за фуражемъ въ Магалу. Главная квартира князя Румынскаго тоже бѣдствовала фуражемъ. Запасъ, привезенный изъ Магалы, оживлялъ лошадей, скоро его не стало, и пришлось кормить лошадей консервами, принятыми отъ интендантства. Нѣкоторыя лошади упорно отказывались ѣсть консервы, предпочитая глотать крыши и выбивать остатки соломы. Погода тоже не благопріятствовала, выпалъ снѣгъ, съ сильнымъ вѣтромъ подымалась вьюга, и морозъ доходилъ до 12°. Былъ случай, что одну лошадь въ № 3 эскад. у костра отогрѣвали. Насъ чрезвычайно обрадовало извѣстіе, что Афанасьевъ этими днями долженъ доставить полушубки.

5-го декабря поѣхалъ въ Боготъ являться Великому Князю. Съ трудомъ дотащился на тройкѣ, встрѣчая по дорогѣ раздрающія душу сцены, бѣдствіе и транспорты съ ранеными. Множество издыхающихъ и павшихъ лошадей валяется на пути и у самага Богота.

У Великаго Князя былъ докладъ генерала Тотлебена, пришлось довольно долго ожидать. Боготъ имѣлъ самый непривлекательный видъ. Штабные чины были всѣ скучены, или разбросаны, такъ что никто мнѣ не могъ указать, гдѣ кто помѣщается. Наконецъ изъ юрты Великаго Князя вышелъ генералъ Тотлебенъ съ Левицкимъ, а Великимъ Княземъ были приняты я, полковникъ Балкъ и начальникъ штаба дивизіи Черепановъ.

Главнокомандующій привѣтливо насъ принялъ, спросилъ, по сколько рядовъ, и пожелалъ всякаго благополучія въ будущихъ дѣлахъ, прибавивъ, что Сумцы имѣли хорошее дѣло у Калараша. Съ большимъ трудомъ, скорѣе случайно нашелъ я бывшего своего сослуживца ординарца Великаго Князя Вонлярлярскаго, который напоилъ меня чаемъ. Въ Порадимъ къ вечеру ужъ дотащился.

На другой день 6-го декабря надо мнѣ было явиться принцу Карлу Румынскому. Обозъ еще не прибылъ въ Порадимъ, въ походномъ платьѣ, такъ и пошли являться принцу, который меня и генерала Лошкарева любезно принялъ, пригласивъ въ этотъ день черезъ своего адъютанта къ завтраку. Въ Порадимѣ нашлось у меня много знакомыхъ изъ ординарцевъ, состоящихъ при Румынскомъ Князѣ и конвоѣ Государя. Пріятно мнѣ было встрѣтить кавалергардовъ унтеръ-офицера Карпова, поступавшихъ изъ дворянъ по набору и унтеръ-офицера Марченко, какъ лучшіе люди назначены были въ конвой Государя. Командиръ конвоя князь Васильчиковъ часто меня посѣщалъ, и не думаю, чтобы изъ лести, но отзывался весьма пріятно для меня о наружномъ видѣ лошадей полка и людей. Къ назначенному часу завтрака, пріѣхалъ я съ Лошкаревымъ къ князю Карлу. Штабъ и свита толпились въ палаткѣ, раскинутой у самой квартиры. Обстановка самая походная, свита щегольски одѣта. Вся публика переминалась отъ холода съ ноги на ногу, явился и князь Карлъ, потирая руки. Лошкаревъ сѣлъ рядомъ съ княземъ, а я напротивъ; разговоръ шелъ о событіи дня — о Шлевнѣ. Начальникъ румынскихъ госпиталей французъ въ яркихъ краскахъ описывалъ положеніе турецкихъ раненыхъ и больныхъ въ Шлевнѣ. Съ другого конца сталъ до меня доноситься рассказъ румынскаго кавалериста о разныхъ лихихъ реквизиціяхъ, сдѣланныхъ въ наказаніе жителямъ за содѣйствіе туркамъ. При чемъ князь Карлъ выразилъ, что за порчу телеграфовъ въ особенности слѣдуетъ предавать смертной казни.

Погода этими днями все ухудшалась, сильные морозы и метели губительно дѣйствовали на несчастныхъ погонцевъ, которые выпрягали оставшихся въ живыхъ лошадей среди поля и бросали на произволъ судьбы, телѣги же рубили на костры, чтобы отогрѣться. Несчастныя эти лошади инстинктивно тащились до деревни, ища крова и пищи у землянокъ и тутъ же отъ голода и холода дохли. Объ отсутствіи продовольствія для лошадей мною поданъ былъ рапортъ начальнику дивизіи, который расположился съ Петербургскимъ

Уланскимъ полкомъ въ деревнѣ Пелишатъ. На рапортъ мой распоряженія не послѣдовало.

9-го числа приказано готовиться къ выступленію. Чемоданы приказано оставить въ Порадимѣ съ мундирами и прочими солдатскими вещами. Солдатамъ велѣно взять одну смѣну бѣлья, пару запасныхъ сапогъ. Заботами эскадронныхъ командировъ куплены были у маркитантовъ сапоги для солдатъ, износившихъ свою обувь—по очень дорогой цѣны, 4 и 5 золотыхъ платили; за свои сапоги я заплатилъ 7 золотыхъ. Изъ офицерскихъ повозокъ приказано взять одну на дивизионъ и одну артельную повозку на эскадронъ, одинъ зарядный ящикъ съ патронами, прочія части обоза, не исключая лазаретной линейки, оставить въ Порадимѣ. Оставшихся обозныхъ лошадей приказано взять подъ вьюки. Въ одну изъ ночей передъ выступленіемъ изъ Порадима я былъ разбуженъ съ просьбою послать людей на помощь транспорту раненыхъ. Лошади не везли, выбились изъ силъ и повозки начало заносить снѣгомъ.

Полковой врачъ старикъ Сперанскій принялъ живое участіе — сдѣланы были перевязки раненымъ, 9 человекъ самыхъ слабыхъ помѣстили въ полковой лазаретъ, а прочихъ развели и разнесли по землянкамъ и домамъ. Что съ ними стало съ нашимъ выступленіемъ, не извѣстно. Начальникъ дивизіи генералъ Дохтуровъ какъ-то таинственно злобно на всѣхъ насъ смотрѣлъ, что сильно къ нему не располагало. Въ особенности когда стало извѣстно, что начальникъ штаба, полковникъ Черепановъ, встрѣтилъ Государя отъѣзжающаго изъ Порадима, и Государь милостиво спросилъ: „гдѣ мои драгуны; передай имъ поклонъ отъ меня, сожалѣю, что ихъ не видѣлъ, надѣюсь, что они будутъ молодцами дѣйствовать“. Столь милостивое вниманіе Государя и Августѣйшаго шефа полка было доложено начальникомъ штаба. Когда начальникъ дивизіи обратился къ Дохтурову съ вопросомъ, когда отдать въ приказѣ Монаршую милость, его отвѣтъ былъ: „можете частнымъ образомъ передать Языкову“.

Я просилъ начальника дивизіи дозволить довести обозъ до г. Ловчи, какъ лежащаго на пути сообщеній, и тамъ сложить чемоданы, что значительно облегчило бы впослѣдствіи доставку обоза, но получилъ отказъ.

11-го декабря выступили изъ Порадима по зимнему пути въ д. Слатино 20 верстъ и на другой день, сдѣлавъ 18 верстъ, пришли въ г. Ловчу. Люди хотя и были въ полшубкахъ, холода не ощущали, но ноги стыли, часто спѣшивались, чтобы

дать ногамъ согрѣться. Дорогою обгоняли пѣхотныя части 16-й дивизіи и артиллерію, мѣстами шоссе было испорчено и вся дорога въ крутыхъ подъемахъ была. Въ г. Ловчѣ полкъ расположился по дворамъ, правѣе турецкаго кладбища, дома почти что были разрушены, на улицахъ встрѣчалось много болгаръ, должно быть, бѣженцы, т.-е. переселенцы изъ другихъ городовъ и деревень. На главной улицѣ построено было нѣсколько триумфальныхъ воротъ, украшенныхъ зеленью, приготовленныхъ для встрѣчи Великаго Князя. Было предположеніе, что главная квартира изъ Богота переѣдетъ. Не доѣзжая Ловчи, встрѣтилъ я бывшаго своего сослуживца, полковника Желтухина, который 11 лѣтъ былъ въ отставкѣ, жилъ въ Парижѣ и снова поступилъ на службу. Желтухинъ мнѣ сообщилъ, что Скобелевъ 2-й находится въ Ловчѣ. Извѣстіе это мнѣ было пріятно, такъ какъ служилъ прежде со Скобелевымъ 2 въ одномъ полку; я былъ поручикомъ, а онъ юнкеромъ и съ его возвращенія изъ Ташкента его не видалъ. Слыша же въ послѣднее время объ изумительной храбрости генерала на „бѣломъ конѣ“, по прибытіи въ Ловчу, я тотчасъ отправился его отыскивать. Скобелевъ встрѣтилъ меня какъ стараго товарища и просилъ прійти обѣдать къ нему.

Въ ожиданіи обѣда я отправился отыскивать какого-нибудь трактира или маркитанта, съ утра ничего не ѣлъ, а обѣдъ предстоялъ въ 5 часовъ. Съ трудомъ удалось мнѣ отыскать какой-то трактиръ, содержанный евреемъ, тутъ была и гостиница съ номерами. Офицеры всѣхъ частей осаждали кухню, желая что-нибудь получить изъ ѣды. Добился и я ужаснаго борща, грязнаго, но горячаго, заплатилъ 1 р. за хлѣбъ и купилъ еще про запасъ. Узнавъ, что въ этой гостиницѣ остановился начальникъ дивизіи, я пошелъ явиться и узнать, какое будетъ распоряженіе. Генераль Дохтуровъ встрѣтилъ меня въ яростномъ настроеніи и съ пѣной у рта спрашиваетъ меня:

Почему у его квартиры нѣтъ конвоя и часовыхъ. Я отвѣтилъ очень хладнокровно, потому что распоряженія не было, полку неизвѣстно даже было, гдѣ онъ находится.—Посмотрѣли бы вы, отвѣтилъ мнѣ генераль, какъ генераль Скобелевъ помѣщается, лучшая квартира, всюду часовые, а я въ конурѣ, да и ту нанимаю.

Градъ неудовольствій посыпался на начальника штаба, который тутъ подвернулся, и я получилъ приказаніе назначить въ конвой и для караула эскадронъ къ квартирѣ его превосходительства. Тутъ же сообщено мнѣ было, что завтра высту-

пить полку въ дер. Микра, гдѣ предполагалось найти продовольствіе для лошадей, такъ какъ въ Ловчѣ съ трудомъ можно было достать. Посмотрѣвъ свое помѣщеніе, состоящее изъ мазанки съ двумя вдовами и человѣкъ шесть дѣтей, отцы которыхъ зарѣзаны были турками, пошелъ я обѣдать къ Скобелеву, котораго засталъ, разсматривающаго карту. Еще часъ прошелъ до обѣда въ разговорахъ, вспоминали прошлую службу, про семейныя дѣла говорили; про предстоящее движеніе онъ мнѣ прямо сказалъ, что ничего не можетъ сообщить. Къ обѣду собралось много народу, ординарцы, члены штаба, бригадный генералъ Торчиловскій, полковникъ Панютинъ и корреспондентъ Немировичъ-Данченко. Обѣдать вышли въ другую комнату, и разговоръ былъ самый оживленный. Вспоминали Ташкентъ и эпизоды нынѣшней войны. Скобелевъ отдалъ за обѣдомъ нѣсколько приказаній дивизионному своему интенданту, о заготовленіи во что бы то ни стало продовольствія для 16-й дивизіи, которая эшелонами уже выступила въ г. Сельви. Крутые подъемы затрудняли артиллерію; крики солдатъ артиллеристовъ раздавались весь день съ высотъ, окружавшихъ Ловчу.

Распростившись со Скобелевымъ, я едва могъ отыскать свою квартиру, и только-что заснулъ, какъ разбуженъ былъ адъютантомъ, пришедшимъ мнѣ доложить, что домъ обрушился, двухъ обозныхъ лошадей убило, четверыхъ трубачей ушибло и трубаческій инструментъ сплюснуло, такъ что полкъ къ общему горю остается безъ хора трубачей на всю кампанію. Впослѣдствіи уже оружейный мастеръ кой-какъ выпрямилъ и спаялъ трубы, и хоръ трубачей составился. Ушибленные трубачи отправлены были въ госпиталь, а про происшедшій случай донесено было начальнику дивизіи.

Изъ Порадима выступилъ каждый полкъ отдѣльно по высланнымъ маршрутамъ: 13-го декабря изъ г. Ловча Московскій драгунскій полкъ выступилъ въ дер. Микра. По маршруту значилось 25 вер., оказавшихся на дѣлѣ 35 вер. Отойдя не далеко отъ г. Ловчи, спускъ съ горы сдѣлался невозможенъ по крутизнѣ, по крутымъ поворотамъ по самой горѣ и узкому проходу, для небольшого числа повозокъ, слѣдовавшихъ за полкомъ. Дивизионъ драгунъ былъ спѣшенъ, эскадронъ съ лопатами пошелъ обрывать и расширить сколько возможно спускъ. Другой эскадронъ на веревкахъ сталъ спускать повозки съ кручи и поддерживать съ боку, чтобы не свалилась повозка въ пропасть. Люди скоро изловчились, и повозки скоро и благополучно были спущены съ крутизны. Предстоялъ еще боль-

шій трудъ, подыматься по гористо-лѣсистой мѣстности, мѣстами вязкой дорогѣ. Лошади совершенно выбивались изъ силъ, нѣсколько обозныхъ лошадей оставлено было на пути, люди на рукахъ втаскивали повозки. Эскадроны шли, хотя и мѣшкотно, но безъ затрудненій. Насъ ободряло то, что навстрѣчу попадались возы съ сѣномъ на полозьяхъ; сѣно везли для главной квартиры, какъ передавали казаки. Къ полдню снѣгъ почти растаялъ и нагруженные возы съ сѣномъ и обезсиленными волами стали на дорогѣ. До дер. Микра прошли черезъ три турецкія селенія совершенно разрушенныя. Большая часть домовъ и садовъ были сожжены, мечети и то обгорѣли. Однѣ голодные собаки выли и шныряли по селеньямъ. Дорога шла все лѣсомъ, спустившись съ горы въ лощину съ ручьемъ, на противоположномъ склонѣ увидали большую болгарскую деревню Микра. Болгары сначала попрятались, а потомъ выползли, фуражъ почти весь былъ выбранъ изъ дер. Микра до нашего прихода.

За деньги достали небольшое количество сѣна и ячменя для эскадроновъ. Ночевавъ въ дер. Микра, по маршруту слѣдовало идти въ дер. Сапотъ и дер. Гулема-Желѣзна, куда, какъ слышно было, направленъ былъ и казачій № 1 полкъ. Въ дер. Сапотъ полкъ пришелъ 14-го декабря отъ дер. Микра въ 10 вер. Съ помощью старостъ фуражъ доставался. Вечеромъ получено было приказаніе изъ гор. Ловчи: „драгунскому полку выступить 16-го числа изъ дер. Сапотъ, не стѣсняясь переходами и ночлегами, слѣдовать по направленію Гулема-Желѣзна, Доброданъ, Рабію, Демянова въ дер. Харва, куда прибудетъ и штабъ дивизіи“.

Объ продовольствіи людей распоряженія не послѣдовало, хотя извѣстно было, что провіанта у меня осталось на два дня. О недостаткѣ провіанта послалъ донесеніе и получилъ приказаніе выдавать деньги на руки нижнимъ чинамъ, вмѣсто сухарей. Полкъ таялъ отъ больныхъ людей, цифра по госпиталямъ дошла до 115 челов., лошади еще были сохранены. Въ Сапотъ по 15-е декабря остался на дневку, людямъ приказано беречь сухари, а печь лепешки изъ кукурузы. 16-го декабря полкъ перешелъ въ дер. Долбогданъ 25 вер., по весьма трудной гористой дорогѣ. Обозъ отсталъ, въ деревнѣ застали казачій полкъ № 1. Чтобы не слѣдовать однимъ путемъ и не имѣть однихъ ночлеговъ съ казачьимъ полкомъ, я рѣшился остаться дневать въ дер. Долбогданъ, тѣмъ болѣе, что болгарская деревня съ жителями; фуражъ достали, лошади стояли въ закры-

тыхъ мѣстахъ. На дворѣ шелъ снѣгъ, а 17-го декабря была сильная метель. Снѣгу навалило много, думалъ даже полозья поддѣлать подъ повозки, но длинныхъ полозьевъ не нашлось въ деревнѣ.

18-го декабря полкъ пришелъ въ дер. Рабію 15 вер. Деревня турецкая, но заселена болгарами. Фуражъ нельзя было купить, хотя большіе склады были ячменя и сѣна, отданные подъ сохрану жителямъ, распоряженіемъ нашихъ гражданскихъ властей. Фуражъ пришлось взять реквизиціоннымъ способомъ у сторожей и выдать полку квитанцію.

(Тутъ записки Н. К. Языкова прерываются, но черезъ нѣсколько времени найдены еще другія, составляя, какъ бы продолженіе начатаго).

Г. Четагдера.

Чтобъ дать себѣ отчетъ всего испытаннаго, на свѣжихъ слѣдахъ сѣлъ я записать лично для своей памяти. Начну съ 25-го декабря 1877 года, съ періода начала сильныхъ ощущеній.

Стояли мы въ дер. Харва, въ 9 вер. отъ Сельви, почти безъ всякаго продовольствія для людей и лошадей. Деревня Харва разворена турками и окончена войсками, которыя до насъ еще проходили. Начальству нашему извѣстно было наше незавидное положеніе, но помочь оно не могло, такъ какъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

Хлопотами дивизионнаго интенданта подполковника Рейнбота, удалось заполучить кой-какой печеный хлѣбъ для людей, который на измученныхъ лошадяхъ привозили изъ Сельви, для лошадей же всѣми неправдами доставали изъ реквизиціонныхъ складовъ, а большею частью захватывали чужую собственность; жалобамъ не было конца, весьма трудно было удерживать людей не брать того, что составляло насущное существованіе человѣка или лошади. Слухи доносились до насъ, что 16 дивизія генерала Скобелева снаряжается вьючными лошадьми, громадными запасами патроновъ и готовится въ экспедицію за Балканы по тропинкамъ. Нашъ принципалъ передавалъ намъ это съ необыкновенною таинственностью, предупреждая, что и намъ надо быть ежеминутно готовыми къ движенію впередъ, что и было подтверждено депешей Непокойчицкаго. Наканунѣ Рождества по общему желанію отслужена была всенощная, подъ навѣсомъ, устланымъ соломой; никогда не забуду я этого вечера, съ какимъ благоговѣніемъ каждый стоялъ, кре-

стился, самые вогласы священника казались мнѣ проникнуты какою-то дрожью, происходящей отъ внутренняго волненія, солдаты на отмашь крестились, и блюда, съ которыми церковникъ обходилъ ряды, моментально наполнялись деньгами. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ офицеровъ.

Наконецъ, 25 декабря въ 4 часа веч. принесъ мнѣ извѣстіе начальникъ штаба, что завтра приказано двинуться къ Габрову. 26 декабря при ясной, но морозной погодѣ, выступили изъ Харвы, по гористой мѣстности. Не доходя г. Сельви, казаки и уланы нашей дивизіи потянулись по тому же направленію.

Подходя къ Габрову, нашли пригородную часть, запруженною пѣхотою и линейками дивизіонныхъ лазаретовъ. Встрѣченъ былъ я своими квартирьерами, которые мнѣ доложили, что полку приказано идти черезъ городъ и на шестой верстѣ у шоссе расположиться бивуакомъ въ саперныхъ землянкахъ. Сорокъ верстъ мы уже прошли, предстояло еще 6 верстъ идти, начинало темнѣть, а главное морозить, лошади скользили, люди мерзли, эти 6-ть верстъ были тяжелымъ переходомъ. Темнота такая настала, что если бы не остановилъ меня на шоссе прапорщикъ Веревкинъ, посланный съ квартирьерами, я бы проѣхалъ землянки. Привели меня въ какое-то холодное подземелье, увѣряя, что это лучшее помѣщеніе и что здѣсь есть печь. За темнотою надо было повѣрить на-слово и позаботиться растопить печь, которая, несмотря на всѣ усилія Макара моего, дымила нещадно. Сожителями моими былъ братъ и Алексѣевъ, которые тутъ же принялись за рябиновую водку и жареную курицу, привезенную изъ Харвы, поданный чай закончилъ нашу трапезу. Алексѣевъ отправился ночевать въ другое мѣсто, такъ какъ здѣсь не было, гдѣ помѣститься, я и братъ расположились кое-какъ на стрекозахъ. Рано вставъ утромъ 27 декабря, я занялся укладкою своихъ вьюковъ; едва успѣлъ уложить, какъ получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію; изъ обоза имѣть однѣхъ вьючныхъ лошадей. Было 11 час. утра. Отдавъ нужныя распоряженія, не безъ волненія простился я съ Петромъ, который слезно разливался; подходя къ полку, встрѣченъ я былъ капитаномъ генеральнаго штаба Андриановымъ, присланнымъ генераломъ Радецкимъ въ распоряженіе нашего начальника дивизіи.

Приказано мнѣ слѣдовать за Уланскимъ полкомъ, который бивуакировалъ у г. Габрово. Не только уланы, но и казаки, которые должны слѣдовать въ головѣ, еще не трогались. Андриановъ предложилъ мнѣ сѣсть на разостланную его бурку, и закуривъ си-

гары, я спросилъ его: куда и какимъ путемъ намъ предстоитъ идти? Отвѣтъ его былъ слѣдующій: такъ какъ намъ предстоитъ слѣдовать вмѣстѣ, то, не дѣлая болѣе секрета, скажу вамъ, идемъ по Скобелевской тропѣ черезъ Балканы къ дер. Иметли, часть пути придется идти подъ выстрѣлами и къ разсвѣту попадемъ въ бой, вѣроятно, весьма, весьма серьезный, такъ какъ Радецкому приказано атаковать во что бы то ни стало, хотя отвѣтъ его главнокомандующему былъ таковъ: какъ солдатъ повинуюсь приказанію Вашего Императорскаго Высочества, но долгъ совѣсти заставляеть меня сказать, что вести атаку болѣе чѣмъ не благоразумно.

Признаюсь откровенно, выслушавъ все отъ Андрианова, сердце у меня сильно забилося, при мысли, что завтра утромъ надо будетъ въ первый разъ вступить въ бой, мысленно сотворилъ молитву, прося одного у Бога—укрѣпить меня духомъ, сохранить доброе имя. Молитва дѣйствительно успокоила меня внутренно, такъ что я могъ совершенно спокойно дать нужныя распоряженія. Сообщилъ, что перевязочный пунктъ въ деревнѣ Топлище, и приказалъ трубить сборъ полку. Уланскій полкъ что-то замѣшкалъ, мнѣ приказано было слѣдовать за казаками. Перекрестясь, въ 12¹/₄ час. тронулись съ мѣста, свернувъ отъ моста, лежащаго на шоссе къ Шипкинскому проходу вправо по ущелью.

Погода была весенняя, теплая, солнце грѣло и ясно свѣтило, внутреннее мое состояніе было какое-то покойно сосредоточенное. Близость предстоящаго дня наводила на меня различныя размышленія, хотѣлось разомъ какъ-то обо всемъ вспомнить изъ прошлой жизни, внутренно и чистосердечно покаяться во всемъ. Твердо вѣря въ предопредѣленіе Божіе и что все дѣлается къ лучшему, успокоило мои напряженные нервы, и явилась забота какъ бы лучше выбрать дорогу черезъ множество ручьевъ и горныхъ рѣчекъ, которые приходилось проходить въ бродъ, шли мы почти что по руслу рѣки, имѣя съ двухъ сторонъ горы. Къ 2 час. дня пришли мы къ деревнѣ Топлище, гдѣ встрѣтили окровавленные лазаретныя носилки, и вѣсть разнеслась, что начальникъ штаба Скобелева, полковникъ Куропаткинъ раненъ. Весь отрядъ остановился, и генералъ Дохтуровъ приказалъ мнѣ какъ можно ближе стянуть полкъ, развести эскадроны по сторонамъ, чтобы дорога не была загорожена, людей спѣшить, лошадей кормить и людямъ варить пищу. Остановка нашего движенія объяснялась тѣмъ, что раненый полковникъ Куропаткинъ заявилъ

Андріанову, что путь, по которому намъ предстояло идти, немислимъ для спуска кавалеріи по своей крутизнѣ. Уланская сотня казаковъ, слѣдовавшая со Скобелевымъ, на лямкахъ спускала лошадей съ кручи; подъемъ загороженъ артиллерією, которая пятая сутки идетъ пять верстъ и несется на рукахъ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Андріановъ счелъ долгомъ доложить полученное свѣдѣніе генералу Дохтурову, который остановилъ отрядъ у самаго подъема, послалъ казачьяго офицера Каргольскаго на рысяхъ на Шицку къ генералу Радецкому съ объясненіемъ полученнаго свѣдѣнія и ждать отвѣта. Драгунскому офицеру приказано было вернуться къ землянкамъ и служить подставою казачьему офицеру для скорѣйшаго полученія отвѣта отъ Радецкаго. Начало смеркаться, мысль, что можетъ быть вернуть насъ обратно, невольнo закрадывалась въ голову, надо было подумать о пріютѣ и голодъ сталъ о себѣ напоминать. Сюда же подѣхалъ интендантъ болгарскаго ополченія и адъютантъ стрѣлковой бригады, Апухтинъ, вернувшійся съ подъема съ разказами, что дѣйствительно артиллерія не двигается и едва-ли тутъ кавалерія пройдетъ. Съ этими-то господами я помѣстился въ хатѣ на курьихъ ножкахъ; кто чѣмъ былъ богатъ, начали дѣлиться съѣстнымъ; у Апухтина оказались пирожки очень вкусныя изъ Габрова съ капустою, интенданта денщикъ сварилъ какой-то супъ, я предложилъ компаніи чай. Началась оживленная бесѣда о военныхъ событіяхъ, о трудности перехода черезъ Балканы. Интендантъ и Апухтинъ, чтобы не стѣснять меня съ моими сожителями, которые тутъ же дѣлали трапезу, рѣшились перейти на ночлегъ къ какому-то знакомому доктору, который насъ извѣстилъ, что прибылъ на перевязочный пунктъ адъютантъ Великаго Князя, полковникъ Ласковскій, раненый въ руку; онъ находился въ отрядѣ генерала Скобелева. Готовились уже расположиться на отдыхъ, какъ мнѣ доложено было, что штабсъ-капитанъ Семеновскій привезъ отвѣтъ отъ генерала Радецкаго, который писалъ на лоскуткѣ бумаги: „предписываю немедленно двигаться впередъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Скобелева, идти во что бы то ни стало, завтра ожидается бой, кавалерія будетъ необходима“. Записка заканчивалась вторичнымъ подтвержденіемъ немедленно идти впередъ. Было 8 час. веч., приказавъ Семеновскому передать донесеніе генерала Дохтурова съ минуты на минуту ожидалъ приказанія сѣдлатъ и выступать. Скоро дѣйствительно въ ночной тиши раздался сигналъ генераль-марша, и адъютантъ

принесъ приказаніе двинуться за казачьимъ полкомъ въ 9^{1/2} час. веч.

Не хватаетъ у меня умѣнія и живости въ описаніи изобразить все, что представилось моимъ глазамъ, когда я вышелъ изъ хаты, ожидая, пока полкъ осѣдлаетъ и казачій полкъ начнетъ подниматься. Зарево зажженныхъ костровъ отражалось въ ручьѣ, который намъ предстояло перейти въ бродъ, суевливый говоръ и перебранка людей, возящихся около только-что убитыхъ воловъ на мясныя порціи, все вмѣстѣ взятое имѣло видъ чего-то адскаго. Перейдя ручей по кой-какимъ жердямъ, не безъ того, чтобы не попасть въ воду, я поднялся пѣшкомъ на первый подъемъ и сталъ ожидать, пока казачій полкъ вытянется. Казаки, держась за хвостъ своихъ лошадей, вытягивались нескончаемой для меня вереницей. За 6-й сотнею, въ 10 час. веч. тронулся и я съ полкомъ, пѣшкомъ, для чего одѣлся легко и съ помощью палки началъ выбираться. Но скоро изъ силъ выбился, сѣлъ верхомъ на своего Грабежа, который дѣйствительно мнѣ службу сослужилъ въ этомъ переходѣ.

Подъемъ все время шелъ зигзагами по каменистой тропѣ. Лошадь мою велъ все время подъ уздцы унт.-оф. Ермаковъ, который оказывалъ мнѣ необходимую заботливость. Чувствуя, какъ у лошади отъ сильнаго напряженія и карабканія въ гору дѣлалось сильное сердцебіеніе, я слѣзалъ и шелъ пѣшкомъ, поддерживаемый мощною рукою Ермакова, пока силы мнѣ опять [не измѣняли, снова садился на своего бѣленькаго коня, который съ удивительною осторожностью ступалъ по камнямъ, которые скользили и сыпались изъ-подъ его ногъ. Дорога всего подъема, по приказанію ли или отсталыми пѣхотными солдатиками, освѣщаема была кострами, цѣлыя деревья въ иныхъ мѣстахъ горѣли, освѣщая снѣжныя подъемы и спуски, придавая всей движущейся массѣ фантастическій видъ. Въ полномъ безмолвіи и тишинѣ отрядъ поднимался, сначала по голымъ утесамъ, а потомъ по лѣсу. Ночь была лунная, безъ вѣтра, что было нашимъ спасеніемъ. Не доходя самаго перевала, настигли мы батарею 16-й дивизіи, которая четвертая сутки уже поднималась. Тропинки такъ съузились, что только одна лошадь могла идти, по бокамъ снѣжныя заносы выше роста человѣка и лошади. По этой-то тропѣ пришлось намъ обходить артиллерію, лошади по грудь вязли въ снѣгу. Суздальскій полкъ тащилъ на рукахъ артиллерію, разбирая по частямъ все, что только подъ силу тащить, снаряды и про-

чія принадлежности, лошади орудійныя, быки и буйволы, служившіе въ подмогу, имѣли самый жалкій видъ отъ утомленія и безкормицы. Пѣхотные солдатки, выбившись изъ силъ, спали мертвымъ сномъ у костровъ. Ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, и вѣчнымъ сномъ заснулъ. Чтобы дать своему коню вздохнуть и подтянуться эскадронамъ, которые растянулись, я часто останавливался, на нѣсколько минутъ, садился на снѣгъ, закутавшись въ бурку; чѣмъ выше поднимались, тѣмъ свѣжѣе становился вѣтеръ, на самой же вышкѣ пришлось идти по льду какъ по зеркалу, такъ все обледенѣло, и холодъ сталъ невыносимъ. Къ несчастью тутъ-то полку и пришлось остановиться, такъ какъ казачій полкъ началъ спускаться, а спускъ предстоялъ втрое труднѣе подъема. Здѣсь-то болѣе 4-хъ час. времени пришлось стоять на мѣстѣ, укрываясь кто чѣмъ могъ и грѣясь въ повалку съ солдатами у костра. Тутъ я первый разъ увидалъ генер. Лошкарева, подсѣвшаго къ костру съ какимъ-то уныніемъ. Многіе офицеры мнѣ передавали впоследствии, что стоянка на мѣстѣ въ ожиданіи возможности начать спускаться была самымъ тяжелымъ переходомъ черезъ Балканы. Выбившись изъ силъ, впадали въ изнеможеніе, ко сну клонило, а боязнь замерзнуть дѣлала борьбу невыносимой. Въ 3 час. началъ брезжить свѣтъ и заниматься утрення заря, показались огоньки на турецкихъ батареяхъ, которыя открыли пальбу гранатами, когда 4-й эскадр. началъ спускаться. Спускъ съ Балканъ былъ хуже подъема, по крайней мѣрѣ для меня. Несмотря на все изнеможеніе, надо было идти пѣшкомъ. Тутъ же спускались пѣхотные полки, тропинка же такъ узка, что двумъ на лошадяхъ нельзя ѣхать рядомъ, того и гляди задѣнуть штыкомъ; я не шелъ, а почти на себѣ меня тащилъ Ермаковъ; такъ скользко было, что многіе солдатки пѣхотные подставляли мнѣ свои ружья, какъ опору. Жажда меня мучила невыносимо, воды же нѣтъ, снѣгъ запачканъ, затоптанъ, а солдатки оттаивали его въ котелкахъ и варили какую-то пищу. Съ перевала я началъ спускаться съ 3-й сотнею казаковъ, которые поодиночкѣ меня обгоняли, десятка два шаговъ сбѣлаю, и Ермаковъ усадить меня для отдыха. Безъ счету разъ я падалъ и съ Ермаковымъ и одинъ, и собою сшибалъ впереди идущаго пѣхотнаго солдатика, который на-лету, желая меня поддержать, самъ летѣлъ. Уже былъ 8-й часъ утра, когда я добрался до самаго крутого спуска и гдѣ былъ бивуакомъ расположенъ саперный баталіонъ. Офицеры по два и по три человека сидѣли въ какихъ-то ямкахъ и пили чай, возбуждали

во мнѣ сильный аппетитъ къ чаю, нѣсколько разъ я порывался подойти и попросить стаканъ чаю, но совѣстно было. На самой дорогѣ въ вырытой какой-то траншейкѣ сидѣлъ команд. саперскаго баталіона полковникъ Свищевскій, со стаканомъ чаю въ рукахъ на разостланномъ фланелевомъ одѣялѣ; такъ мнѣ показалось заманчивымъ, что не выдержалъ, подошелъ, познакомился и началъ спрашивать, далеко ли до д. Иметли и что новаго вообще. Полковникъ очень любезно отвѣчалъ мнѣ на мои вопросы, допилъ свой стаканъ чаю и приказалъ своему денщику убирать чай, но мнѣ не предложилъ, что положительно меня сердило, въ особенности, когда денщикъ тутъ же, усѣвшись, началъ опоражнивать стаканъ за стаканомъ; не слушая рассказы словоохотливаго полковника, я, обратясь къ денщику, спросилъ, нѣтъ ли воды напиться, отвѣтъ послѣдовалъ, что воды нѣтъ, а если хотите чаю только безъ сахару, и подалъ мнѣ желтоватой теплой водицы, которой я радъ былъ горло промочить. Не успѣлъ я еще допить свой стаканъ, какъ Свищевскій крикнулъ: „саперы въ ружья!“ Движеніе саперъ въ перемѣшку съ казаками, вьючными обозами пѣхоты еще больше задерживали спускъ полка. Многіе смѣльчаки или шутники, не знаю ужъ какъ ихъ назвать, не обходною дорожкой спускались, продѣланною саперами, по которой кавалерія спускалась, а съ самой страшной крутизны, такимъ путемъ и ношу свою спускали. Первый эскадронъ спустился съ самой высокой крутизны, я посмотрѣлъ на часы—было 11 час. 35 м., пушечная и ружейная стрѣльба давно ужъ раздавались; до деревни Иметли оставалось еще пять верстъ. Солдатики, идущіе намъ навстрѣчу, сказывали, что сраженіе началось, сначала у самой деревни, что турокъ выбили и пошли наступленіемъ. Определеннаго понятія по крайней мѣрѣ я не могъ себѣ составить о томъ, гдѣ и какой бой идетъ. Такъ какъ на спускъ еще трехъ эскадроновъ надо было положить по крайней мѣрѣ 3 или 4 часа времени, а мысль и желаніе на чай меня не покидала, я и приказалъ свой вьюкъ, слѣдовавшій за № 1 эскадр., развьючить и приготовить чай, ко мнѣ и Лошкаревъ присоединился. Между тѣмъ лошадь вьючную провели дальше, пока послалъ я ординарца своего догнать и вернуть ее, казакъ привезъ приказаніе мнѣ и Лошкареву за подписью Нач. Шт. Черепанова, что какъ только полкъ спустится съ горы, то слѣдовать къ д. Шейнова и стать во 2-й линіи за № 1 казачьимъ полкомъ, охраняя его правый флангъ. Объ чаѣ некогда уже было думать, я отправился вслѣдъ за

№ 1 эскадрономъ, частью пѣшкомъ, а гдѣ можно и верхомъ; спускъ уже былъ тутъ отлогій; по дорогѣ попадались тѣла убитыхъ офицеровъ и русскихъ солдатъ, убитыхъ при занятіи Скобелевымъ Иметли. Къ довершенію всего, я забылъ сказать, что только-что подошли къ спуску, повалилъ хлопьями снѣгъ, который залѣпливалъ совершенно глаза. Продолжая спускаться, въ сторонѣ, гдѣ раздавались выстрѣлы, услышалъ я нѣсколько взрывовъ дружнаго „ура“, что и было концомъ Шейновскаго дѣла, какъ я узналъ впоследствии. У подножья Балканъ, гдѣ приказано было собираться полку, встрѣтилъ меня кап. Кастирскій и доложилъ, что два ординарца отъ генерала Скобелева пріѣзжали съ приказаніемъ немедленно идти къ Шейнову и отъ генерала Дохтурова тутъ же находился ординарецъ съ приказаніемъ какъ только части Драгунскаго полка соберутся, то направить ихъ къ Казанлыкской дорогѣ. Первый дивизионъ былъ почти въ сборѣ, я и направилъ его съ ординарцемъ г. Дохтурова, юнкеромъ, гр. Келлеромъ въ его распоряженіе. Отдалъ приказъ, что какъ только второй дивизионъ соберется, то поведу его къ дер. Шейново. Этимъ временемъ генераль Лошкаревъ былъ въ большомъ раздумьѣ, съ какою частію ему идти въ бой, по моей настоятельной просьбѣ напоилъ меня чаемъ и далъ что-то закусить. Вообще генераль этотъ поражалъ всѣхъ за все время похода не только скупостію своею, но скарденостію въ самыхъ обыденныхъ вещахъ. Пока мы закусывали подъ громаднымъ вѣтвистымъ деревомъ, множество рапеныхъ несли отъ Шейнова, казаки сновали взадъ и впередъ; подстрекаемый любопытствомъ, я послалъ узнать отъ идущихъ казаковъ, въ какомъ положеніи дѣло. Получилъ отвѣтъ, что подъ Шейновымъ дѣло уже кончено, вскорѣ показались отходящія пѣхотныя части. Къ этому времени второй дивизионъ спустился съ горъ и готовился къ выступленію, какъ увидѣлъ я командира казачьяго полка полковника флигель-адъютанта Кутейникова, возвращающагося отъ Шейнова, а за нимъ до 5-ти тыс. плѣнныхъ турокъ, конвоируемыхъ казаками.

Казачій полкъ, спустившись съ Балканъ прежде всѣхъ, имѣлъ возможность участвовать въ огнѣ подъ Шейновымъ, не полнымъ составомъ полка, сначала подоспѣли только три сотни, а потомъ уже, къ концу дѣла, прибѣжали и остальные. Если слушать казаковъ объ этомъ дѣлѣ, то чудеса творили. Казаки, увлекшись вѣроятно, начали почти въ упоръ стрѣлять, тогда турецкая кавалерія, не долго думая, рванулась и дала тягу къ г. Казанлыку.

Потеря казаковъ въ этомъ дѣлѣ была отъ 16—18 человекъ.

Съ первымъ моимъ дивизиономъ случился слѣдующій казусъ: Юнкеръ гр. Келлеръ сбился съ дороги и хотя бы сказалъ командиру дивизиона, а то, водивши болѣе двухъ часовъ, заявилъ только о своей ошибкѣ. Дѣлать было нечего, измученный дивизионъ вернулся одновременно съ приходомъ Казачьяго полка изъ подъ Шейнова.

Дохтуровъ, съ пѣною у рта, встрѣтилъ Драгунскій полкъ и уланъ въ особенности, которые только въ 10 час. вечера могли спуститься съ Балканъ. Все его негодованіе происходило отъ того, что прочіе полки не могли принять участіе въ Шейновскомъ дѣлѣ.

Но каждый изъ насъ внутренно убѣжденъ, что сдѣлано было все по совѣсти, съ отвращеніемъ смотрѣли на своего принципала, который не далъ себѣ труда даже сказать: спасибо людямъ за гигантскіе трудъ при переходѣ черезъ Балканы въ 16-ти час. времени. Мѣстность, которую турки считали положительно непроходимой, въ особенности въ зимнее время, такъ что ограничились сдѣлать однѣ засѣки, какъ препятствіе, которыя разобрали саперы.

На ночлегъ отвели полкъ въ деревню Иметли, брошенную совершенно жителями. Долго, шлепая по грязи, не могъ я найти себѣ помѣщеніе, и, найдя какой-то разрушенный турецкій домъ, долженъ былъ послать человекъ пять солдатъ очистить отъ всякаго скарба и нечистотъ.

Всякій изъ насъ радъ былъ выпить чаю и отдохнуть послѣ бессонной ночи и перевала черезъ Балканы. Только-что вода въ мѣдномъ чайникѣ стала закипать, какъ получаю приказаніе отъ Дохтурова: полку сдѣлать, черезъ $\frac{1}{2}$ часа быть готовымъ, безъ сбора не выѣзжать, за приказаніемъ прислать адъютанта. Чайникъ съ водою былъ вылить, вьюки опять уложены, сталъ дожидаться прихода Востросаблина, который принесъ приказаніе, что 1-ому див. выступить подъ нач. подполковника Алексѣева къ Шипкѣ и въ Шейново захватить за приказаніемъ къ генералу Скобелеву. № 3 эскадр. идти на аванпосты, № 4 эскадр. разсѣдывать и оставаться дома. И такъ три эскадрона третьи сутки не разсѣдываютъ и на службѣ находились безъ всякаго отдыха.

Результатъ отъ 28-го декабря было: атака генер. Радецкаго съ горъ св. Николая, со стороны д. Шейнова атака ген. Скобелева и наконецъ атака кн. Святополкъ-Мирскаго. Все въ совокупности, очищеніе Балканъ отъ турокъ, со множествомъ

плѣнныхъ и захватъ турецкихъ орудій. Всякій былъ герой въ своемъ родѣ, исторія рѣшитъ, кому отдать пальму первенства изъ трехъ начальниковъ отряда.

Первый дивизионъ мой былъ вызванъ держать охранительную цѣпь у Шипки, чтобы не прорывались въ горы одиночные люди изъ плѣнныхъ.

Ужъ поздно вечеромъ 28-го ч. могъ я наконецъ расчитывать на покой, пріютивъ къ себѣ Сперанскаго и Вастросаблина, которые расположились на грязномъ, холодномъ полу.

Изъ Иметли пошли мы въ г. Казанлыкъ, куда Великій Князь пріѣхалъ наканунѣ Новаго года; сдѣлана была ему встрѣча войсками. При объѣздѣ полка Великій Князь спросилъ меня: „Тебѣ не удалось подраться, ну такъ удастся еще“! Это было 31-го декабря, и тутъ же получилъ я приказаніе быть готовымъ къ выступленію на другой день.

Новый годъ встрѣтили мы самымъ скромнымъ образомъ, безъ стакана вина, такъ какъ его не было.

1-го января 1878 года, въ 10 часовъ утра, выступили изъ г. Казанлыка въ г. Ески-Загру. Передъ самымъ выступленіемъ узнали мы, что начальство надъ первою бригадою принимаетъ генераль-маіоръ Струковъ, а Лошкаревъ (политично) назначенъ начальникомъ Шипкинскаго прохода; ему предоставили выбрать двухъ помощниковъ изъ дивизіи, и выборъ его остановился на подполковникѣ Афанасьевѣ и шт.-кап. Сорохтинѣ, которыхъ и отправилъ въ его распоряженіе безъ особаго сожалѣнія. Переходъ малыхъ Балканъ у Ески-Загры былъ для насъ игрушкой, если можно такъ выразиться. У самаго города нагналъ полкъ генераль Струковъ, очень привѣтливо поздоровался, и я вступилъ въ городъ, совершенно сожженный и разоренный турками, отыскавъ себѣ помѣщеніе въ табачной фабрикѣ — казачій офицеръ, сотникъ Кирѣловъ, прислалъ мнѣ двухъ куръ и индѣйку на ужинъ, тотчасъ же принялись застряпню, такъ какъ цѣлый день ничего не ѣли. Солдаты начали шнырять по погребамъ и разрушеннымъ лавкамъ, выволакивая оттуда разныя разности, горшки съ медомъ, съ вареньемъ, громадныя мѣшки орѣховъ, и такъ какъ такія сласти имъ въ диковинку, то все это съѣдалось съ поразительною жадностью.

Вернувшись отъ генерала Дохтурова, гдѣ были собраны начальники частей, что-то въ родѣ военнаго совѣта, о предполагаемомъ движеніи на завтра, я былъ въ раздумьѣ, пить чай или дожидаться приготовляемыхъ куръ и индѣйку, какъ вдругъ уда-

рили тревогу. Куръ и индѣйку выкинули изъ кастрюли, живо начали укладываться, собираться, на дворъ темъ такая, что глазъ выколешь, съ трудомъ добрался я на выѣздъ города, куда уже выскочили части и, при разборѣ, оказалось—фальшивая тревога. По казачьему разѣзду данъ былъ залпъ, вѣроятно, турецкимъ же разѣздомъ, казаки прискакали въ городъ и подняли тревогу, за что слѣдовало имъ по меньшей мѣрѣ отодрать ихъ нагайками. Ночь прошла спокойно, и 2-го января ввѣренный мнѣ полкъ, имѣя руководителемъ генерала Струкова, выступилъ изъ Ески-Загры, имѣя задачей своею броситься на станцію желѣзной дороги Трново, у селенія Семенли, захватить желѣзнодорожный мостъ громадный и телеграфную станцію. Пунктъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что станція Трново составляетъ узелъ желѣзнодорожный Ямбольской и Филиппопольской линіи.

Отъ Ески-Загры до Трново 55 верстъ; предполагалось переходъ этотъ сдѣлать съ ночлегомъ въ селеніи Акъ-Бунаръ.

Передъ выступленіемъ генералъ Струковъ, собравъ всѣхъ офицеровъ, въ весьма привѣтливыхъ выраженіяхъ познакомился съ ними, объяснилъ цѣль и важность возложенныхъ на насъ порученій. Перекрестясь, тронулись мы съ мѣста, со всѣми военными предосторожностями.

Такъ какъ это было первое наше движеніе въ центрѣ непріятельской стороны, шли мы чрезвычайно бодро, спокойно. Селеніе Акъ-Бунаръ, гдѣ предполагался ночлегъ, прошли мимо, селеніе оказалось опустошеннымъ, осталась въ немъ одна слѣпая турчанка, которая выла неистово, скотъ бродилъ по дорогѣ, мѣстами видны были слѣды пожара. При дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи, авангардъ началъ захватывать одиночныхъ людей башибузуковъ и поселянъ, которые, при допросѣ, показывали, что турецкія войска прошли передъ нами, деревни грабили и что теперь сосредоточены у деревни Семенли для охраны желѣзнодорожнаго моста, что тамъ есть укрѣпленіе, мостъ самый защищенъ, можетъ быть, изъ казенной казармы и обстрѣливается орудіями, батарея построена на горѣ, о числѣ орудій говорили различно: отъ 10 до 8. Время клонилось къ вечеру, начало холодѣть, число людей, которыхъ слѣдовало опросить, увеличивалось, что затрудняло, т.-е. замѣшкивало наше движеніе. Около 7 час. вечера подошли къ селенію Ахадагъ, въ 5 верстахъ отъ Семенли. Здѣсь также было захвачено 3 солдата, которые дали болѣе точныя свѣдѣнія, опредѣливъ пѣхоту въ Семенли отъ 300 до 500 человекъ, орудій 8 и

что мостъ начали разбирать и готовы сжечь при наступленіи русскихъ. Для полка вопросомъ великой важности становилось, идти ли тотчасъ въ Семенли или ждать свѣта. Личное мое мнѣніе было за то, чтобы теперь же посредствомъ рекогносцировки одного эскадрона опредѣлить точно непріятельскія силы при деревнѣ Семенли. Будучи удалены отъ пѣхоты до 50 вер., не имѣя артиллеріи, отрядъ нашъ летучій не могъ бы противостоять укрѣпленной непріятельской позиціи.

Генераль Струковъ такъ и рѣшилъ. Одинъ эскадронъ № 4 выставилъ цѣпь кругомъ, чтобы никто изъ селенія не могъ выйти и дать знать въ Семенли. А № 2 эскадронъ, подъ командою капитана Амосова, получилъ приказаніе произвести разводку, не ввязываясь въ бой, отойти въ Ахадаѣ и постараться испортить желѣзную дорогу и телеграфъ. Въ 9¼ час. вечера № 2 эскадронъ отправился. Прочіе два эскадрона не разсѣдывали, стоя на мѣстѣ, держали въ рукахъ лошадей. Насталъ порядочный морозъ; позволено было разсѣдлатъ. Я съ генераломъ Струковымъ и нѣсколькими офицерами взошли въ ближайшую хату, гдѣ находились три турчанки, бѣжавшія изъ Казанлыка, одна изъ нихъ очень миловидная, молодая обратила общее вниманіе. По восточному обычаю у женщинъ лица должны быть закрыты, но здѣсь покрывала свои открыли, служили намъ, какъ могли, принесли молока, хлѣба, а главное таскали дрова въ очагъ, холодъ насъ насквозь пронизывалъ, размѣстились мы всѣ по полу, принялись за чай. У Струкова оказалось какое-то не то жареное, не то вареное мясо. Не прошло пяти минутъ, чтобы не привели кого-нибудь къ допросу изъ мѣстныхъ или захваченныхъ личностей. Поразилъ насъ, въ особенности, громаднаго роста башибузукъ, безъ носа арабъ, съ страшно звѣрскимъ лицомъ, одѣтый въ женское болгарское платье.

Показаніе этихъ личностей почти было одно и то же, что невольню ихъ заставляють стать въ ряды турецкой арміи. Лично я былъ въ страшно напряженномъ состояніи, поджидая извѣстія изъ № 2 эскадрона. При малѣйшемъ шорохѣ, всѣ поднимались, думая, что пришло донесеніе отъ Амосова, эта ночь была самая тяжелая для меня изъ всей кампаніи. Въ 3-мъ часу утра пріѣхалъ вольноопредѣляющійся Щенкинъ отъ Амосова съ весьма обстоятельнымъ донесеніемъ слѣдующаго рода: „Подходя къ деревнѣ Семенли, эскадронъ достигъ нѣсколько сотъ повозокъ турецкихъ жителей, стремящихся къ Трнзово, дорога, ведущая въ деревню, вся запружена повозками.

Не зная, занята ли деревня непріятельскою пѣхотою, капитанъ Амосовъ послалъ разъѣзды, которымъ приказано было обойти деревню и испробовать бродъ рѣки Марицы. Разъѣзды донесли, что пѣхоты нѣтъ, р. Марица настолько широка, а главное обледенѣла, чтобы идти въ бродъ, надо прорубливать. Середина желѣзнодорожнаго моста разобрана. Въ 6-мъ часу пріѣхалъ графъ Капнистъ съ донесеніемъ, что капитанъ Амосовъ, получивъ свѣдѣнія отъ разъѣздовъ, спѣшилъ эскадронъ и навелъ его на мостъ, турки открыли сильную стрѣльбу съ той стороны моста. Прапорщикъ Веревкинъ съ охотниками перешелъ мостъ, снялъ нѣсколько рельсовъ и испортилъ телеграфъ. Прапорщикъ Камсаракамъ, засѣвъ за оставленными каруцами на мосту, началъ стрѣльбу. Редутъ съ 6-ю орудіями расположенъ лѣвѣе моста, который обстрѣливаютъ турки и изъ орудій открыли стрѣльбу гранатами. Пѣхотныя же части все болѣе стали насѣдать на мостъ; раненъ у насъ одинъ рядовой, капитанъ Амосовъ контуженъ въ руку гранатою. Дорогою за графомъ Капнистомъ гнались конные башибузуки.

Выслушавъ всѣ эти донесенія, генералъ Струковъ приказалъ готовиться идти впередъ, какъ подъѣхалъ капитанъ Амосовъ, который исполнилъ возложенное на него порученіе, отошелъ отъ Семенли на присоединеніе къ полку. Генералъ Струковъ пожелалъ лично осмотрѣть Семенли, для чего съ эскадронномъ Его Величества и одного взвода № 4 эскадрона для личного конвоя отправился въ Семенли, отдавъ мнѣ приказаніе быть готовымъ по первому требованію, а генерала Дохтурова увѣдомить въ Ески-Загру, что считаетъ рискованнымъ безъ пѣхоты атаковать Семенли, такъ какъ тамъ 8 орудій, а путь отступленія—разобраный мостъ.

Деревня Алидагъ лежитъ у подножья возвышенности, съ которой съ утра масса болгаръ шла и бѣжала со всѣмъ своимъ имуществомъ. Сцены здѣсь поразительныя были, многія женщины падали въ изнеможеніи, неся на рукахъ дѣтей. Одна изъ таковыхъ на нашихъ глазахъ упала и умерла, много труповъ попадалось по дорогѣ. Прибѣжавшіе же болгары неистово начинали грабить турецкіе дома, такъ что я долженъ былъ принять мѣры къ охраненію отъ раззоренія селенія. Первый эскадронъ, между тѣмъ, подвигался къ Семенли, въ авангардѣ шелъ мой братъ. Чѣмъ ближе подходили къ деревнѣ Семенли, тѣмъ масса бѣгущихъ навстрѣчу болгаръ увеличивалась и авангарду стало видно, что отъ турецкаго редута вытягивалась пѣхота. Разъѣзды были усилены, а эскадронъ остановился

выждать, будетъ ли пѣхота наступать противъ нашего эскадрона или, бросая укрѣпленіе, отходить. Вышедшій навстрѣчу болгарскій священникъ, зная хорошо мѣстность, взглянувъ, сталъ увѣрять, что турки отступаютъ.

Тогда эскадронъ ринулся къ мосту, который, облитый керосиномъ, горѣлъ. Спѣшенная часть съ участіемъ желѣзнодорожныхъ служителей и болгаръ принялись тушить мостъ, подстилка быстро была сдѣлана изъ досокъ отъ каруцъ и люди бросились на редутъ, откуда свезены были 6 стальныхъ орудій съ ящиками со снарядами; но затворы орудій были сняты и несмотря на всѣ поиски не найдены. Я подоспѣлъ съ тремя эскадронами, когда свозилось четвертое орудіе. Общее настроеніе было самое восторженное. Генераль Струковъ немедленно отправился на телеграфную станцію, гдѣ захватилъ депеши, по которымъ видно было, что 14 декабря Сулейманъ-паша съ 41 поѣздами проѣхалъ изъ Царь-Града въ Софію. По опредѣленію служащихъ на желѣзной дорогѣ, каждый поѣздъ вмѣщалъ 1 тысячу человѣкъ. Сулейманъ въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ требовалъ себѣ еще подвижного состава для отступленія, вѣроятно, къ Адрианополю, но дирекція желѣзнодорожная, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ и оттого, что башибузуки сожгли станцію въ Ески-Загрѣ, весь подвижной сборъ увезла въ Константинополь.

Занятіе моста у деревни Семенли и желѣзнодорожной станціи Трново принесло громадную пользу въ военномъ дѣлѣ. Это дало возможность войскамъ перейти рѣку Марицу и идти на Адрианополь. Неожиданное появленіе драгунскаго полка такъ поразило турокъ, что болѣе 5 тыс. вооруженныхъ жителей бросилось бѣжать по направленію къ Адрианополю и Константинополь, бросая всѣ свои пожитки, и увлекали за собою и остальное мусульманское населеніе, производя по дорогѣ страшныя жестокости и разоренія надъ болгарами. Селенія грабились, жглись, женщины и почти дѣти 8 и 10 лѣтняго возраста насилывались; всѣхъ звѣрствъ нѣтъ возможности перечесть.

Когда всѣ орудія были свезены съ редута, водворенъ общій порядокъ, по бокамъ желѣзнодорожнаго моста, который стоитъ на восьми каменныхъ быкахъ, замѣтили мы двѣ висѣлицы, на которыя турки заставляли болгарскаго священника вѣшать болгаръ же изъ подозрѣнія къ преданности русскимъ. За немѣніемъ артиллеріи при полку и не желая имѣть потерю въ людяхъ, генераль Струковъ не приказалъ преслѣдовать отсту-

пающую пѣхоту. На ночлегъ расположились мы въ домѣ желѣзнодорожнаго инженера Крамера, который оказалъ намъ полное гостепріимство, а для меня какъ-то странно было войти въ домъ европейскаго устройства и обстановки, послѣ двухмѣсячнаго, если не больше походнаго странствованія. На другой день 4-го января, я еще оставался въ деревнѣ Семенли. Генераль Скобелевъ къ вечеру только прибылъ съ пѣхотою, спѣшилъ онъ, сколько было физическихъ силъ, чтобы удержать этотъ же мостъ, столь важный для дальнѣйшаго наступленія. Полки его дивизіи дѣлали по 70 верстъ переходъ, не говорю уже объ множествѣ отставшихъ людей, многіе шли и мертвыми падали на дорогѣ.

Надо было видѣть его радость, когда онъ, въѣхавши въ Семенли, узналъ, что мостъ сохраненъ и въ нашихъ рукахъ. Въ этотъ же день съ утра съ 6 час. приказано было драгунскому № 3 эскадрону, подъ командою майора Чулкова, выступить и занять слѣдующую станцію Германли въ 15 верстахъ отъ Трнова. Майоръ Чулковъ исполнилъ свою задачу блестящимъ образомъ.

Выступивъ утромъ, не доходя Германли, № 3 эскадронъ нагналъ обозъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ повозокъ, обозъ этотъ отступалъ отъ Филиппополя къ Адрианополю и долженъ былъ пройти д. Германли; обозъ конвоированъ былъ турецкою пѣхотою, да и сами жители, идущіе въ повозкахъ, вооружены были съ ногъ до головы. Чулковъ, увлекшись, завязалъ перестрѣлку, турки засѣли за телѣги, начали отстрѣливаться. Прапорщикъ Протасьевъ со взводомъ бросился наперерѣзъ обозу, лошадь подъ нимъ была убита, самъ онъ раненъ въ руку и контуженъ въ грудь. Пуля скользнула по записной книжкѣ, пробила ее и этимъ только онъ спасся отъ смертельной раны. Одиннадцать человекъ было ужъ ранено и трое убито, Чулковъ долженъ былъ отступать, пославъ мнѣ донесеніе съ прапорщикомъ Загоскинымъ, до пріѣзда еще котораго я получилъ приказаніе изъ главной квартиры выслать на ст. Германли взводъ драгунъ, для встрѣчи, ѣдущихъ изъ Константинополя двухъ пашей: Серверъ-пашу, министра юностранныхъ дѣлъ и Намыкъ-пашу, направляющихся къ великому князю въ Казанлыкъ для переговоровъ, и оказать этимъ лицамъ военный почетъ, какъ высокопоставленнымъ. Посылали того же Загоскина къ майору Чулкову занять во что бы то ни стало д. Германли и сдѣлать встрѣчу пашамъ на станціи. Въ 10 ч. вечера получаю третье донесеніе отъ Чулкова, что Германли занялъ, паши

проѣхали на поѣздѣ съ парламентарскимъ флагомъ, но что турки опять насѣдаютъ; патроны всѣ разстрѣлялъ, просить прислать подкрѣпленіе. Немедленно былъ посланъ взводъ № 1 эскадрона съ братомъ моимъ, шт.-кап. Стрильманомъ и прапорщикомъ Раусманъ съ наѣздниками подъ общимъ начальствомъ подполковника Алексѣева, который, прибывъ къ Германли, выручилъ Чулкова, имѣлъ перестрѣлку, слава Богу, безъ потерь, а проѣхавшимъ пашамъ объявилъ, чтобы ждали до утра, къ нимъ будетъ присланъ генераль отъ Скобелева. Къ свѣту Алексѣевъ вернулся обратно въ д. Семенли.

На другой день въ 11 ч. утра выступилъ я съ полкомъ въ д. Германли. Переходъ былъ не очень большой. Подошли къ станціи желѣзной дороги, въ вагонѣ сидѣли Серверъ и Намык-паши, встревоженные вчерашнею перестрѣлкою. Генераль Струковъ объявилъ имъ, что конвой готовъ для сопровожденія ихъ въ главную квартиру; они отправились въ путь, везли ихъ нарочно мимо бивуаковъ, гдѣ расположена была пѣхота, слѣдовавшая за нами, войска встрѣчали ихъ съ музыкой и пѣснями. Я съ полкомъ расположился въ самомъ городѣ, который весь былъ разоренъ и ограбленъ. На другой день 6-го января № 4 эскадронъ посланъ былъ съ Ригеромъ занять г. Мустафа-паша и два взвода № 3 эскадрона подъ командою прапор. Загоскина посланы были по направленію къ Хасъ-Кіюй сдѣлать развѣдку, такъ какъ оттуда все ожидали наступленія остатковъ арміи Сулеймана-паши, разбитаго подъ Филиппополемъ генер. Гурко. Часамъ къ 3-мъ пріѣхалъ въ Германли и генер. Скобелевъ, который, въ ожиданіи, что ему приготовятъ квартиру, остановился у меня. Въ его присутствіи получилъ донесеніе отъ Ригера, что его атакуютъ въ Мустафѣ, также отъ Загоскина, что по направленію Германли отъ Хасъ-Кіюя идутъ пѣхотныя турецкія части, такъ что онъ можетъ быть атакованъ съ двухъ сторонъ.

На подкрѣпленіе Ригера приказано мнѣ было послать № 2 эскадронъ, а къ Загоскину послалъ Скобелевъ № 9 казачій полкъ, только-что прибывшій съ нимъ изъ Семенли. Не прошло часу времени, какъ командиръ № 9 казачьяго полка полковникъ Нагибинъ присылаетъ донесеніе, что его и $\frac{1}{2}$ эскадрона драгунъ сильно атакуютъ, много уже убито и ранено. Казачій сотникъ одинъ смертельно раненъ, а подъ полковникомъ Нагибинымъ убита лошадь.

На это донесеніе генер. Скобелевъ очень энергично отвѣтилъ „что тогда будетъ послано подкрѣпленіе, когда всѣ сот-

ники будутъ перебиты, а теперь пусть усиленно завязываетъ бой, чтобы непріятель могъ обнаружить, сколько у него войска". Самъ же приказалъ себѣ подать лошадь и отправился на позицію. Углицкому пѣхотному полку приказано было идти въ дѣло и артиллеріи выѣзжать на позицію. Погода была адская, снѣгъ валилъ мокрыми хлопьями. Скоро пришло приказаніе и мнѣ съ остальными эскадронами сѣдлатъ и ждать приказанія. До темной ночи пришлось мнѣ ждать приказанія, котораго и не послѣдовало, такъ какъ турки отступали. Въ полуэскадронѣ у меня было трое ранено и нѣсколько лошадей убито. Всю ночь были насторожѣ. Въ этотъ вечеръ изъ Ени-Загры прошли въ Германли наши уланы и изъ Чирпана казаки нашей же дивизіи. Ночью къ общему удовольствію получено было донесеніе отъ Ригера, что г. Мустафа-паша занятъ имъ, раненъ у него одинъ, лучшій кузнецъ Петровъ, который едва-ли живъ теперь, раненъ былъ въ легкое на вылетъ. 7-го января, генераль Струковъ рѣшилъ продолжать наступленіе къ Адрианополю на г. Мустафа-паша. А генер. Скобелевъ, взявъ часть пѣхоты изъ Германли, лично направился къ г. Хасъ-Кіюй, все еще рассчитывая имѣть дѣло съ остаткомъ арміи Сулеймана-паши.

Но таковой не оказалось, вся она перешла горами къ Константинополю, хотя имѣлъ стычку съ турецкою пѣхотою, конвоирующею обозы. Струковъ же, съ драгунскимъ и уланскимъ полкомъ и четвертою сотнею казаковъ, пошелъ въ Мустафу-паша. Не доходя версты 10 до города встрѣчены были делегатами, ѣхавшими изъ Адрианополя, навстрѣчу авангарду русскихъ войскъ, съ письмомъ отъ жителей, въ которомъ просятъ русскихъ занять какъ можно скорѣе Адрианополь и этимъ сохранить его отъ разгрома и грабежа черкесовъ и башибузуковъ, нахлынувшихъ въ городъ. Турецкія власти всѣ удалились, войска выведены, укрѣпленія обнаружены, хотя орудія не всѣ увезены. Я шелъ въ авангардѣ и первый принялъ эту депутацію. Переночевавъ въ Мустафѣ-паша, 8-го января рано утромъ выступили мы къ Адрианополю, куда съ самаго начала кампаніи всѣ такъ стремились. Намъ не вѣрилось, что насъ допускаютъ до города, шли со всѣми военными предосторожностями. Насъ была такая незначительная горсть людей, безъ всякой опоры сзади, что батальонъ, а много полкъ турецкой пѣхоты, могъ легко остановить наше движеніе, къ тому же по свѣдѣніямъ, которыя мы имѣли, слѣва могли быть атакованы арміею Гасана, который отступалъ къ Константинополю, а

справа, остатками арміи Сулеймана-паши. Такого смѣлаго, или, лучше сказать, Бого-хранимаго движенія кавалеріи едва-ли когда было. Прибавлю еще, что отъ cadaго полка было только по одному дивизиону, что все составляло одинъ кавалерійскій полкъ, а прочіе два дивизиона оставлены были пока въ г. Мустафа-паша подъ командою уланскаго полка подполковника Корнушенко, такъ какъ мы опасались и за свой тылъ. Шли совершенно наудалую, пѣсельникамъ приказано пѣть всю дорогу, музыкѣ играть, а въ рядахъ порастянуться, чтобы колонна длиннѣе казалась. Делегатовъ вчерашнихъ ведемъ подъ сильнымъ конвоемъ изъ предосторожности, что если на насъ откроютъ огонь, то первыя пули полетятъ въ эту компанію.

Городъ Адрианополь имѣлъ сильныя земляныя укрѣпленія, которыя работались нѣсколько мѣсяцевъ, русскія войска встрѣтили бы огромныя преграды. Чтобы защищать городъ, потребно было бы отъ 100 до 150 тыс. войска, котораго уже не было въ турецкой арміи. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ войска, оставшія городъ, не превосходили численностію 5 или 6 тысячъ.

Въ 12-омъ часу дня отрядъ ужъ подходилъ къ городу. На склонѣ горы увидали мы массу народа, вышедшую навстрѣчу. Все 60 тысячное населеніе вышло изъ домовъ и бросилось бѣжать къ подходящему войску. Народъ крестился, цѣловалъ руки и колѣни не только у офицеровъ, но и у солдатъ. Духовенство съ образами и хоругвями, имѣя въ головѣ архимандрита въ полномъ облаченіи, привѣтствовало насъ съ крестомъ, то былъ греческій архимандритъ, за нимъ духовенство болгарское, армянское, еврейское и даже мусульманское, съ вѣтвями зеленыхъ миртъ, оглашали воздухъ криками ура! да здравствуетъ Императоръ Александръ! Шагъ за шагомъ подвигались мы среди громадной толпы къ Болгарскому кварталу, который стоитъ совершенно отдѣльно отъ турецкаго. Откуда ни возьмись, среди толпы проталкивается грекъ, держа въ одной рукѣ блюдо съ хлѣбомъ, а въ другой связку огромныхъ ключей, и говоритъ на французскомъ языкѣ слѣдующаго рода привѣтствіе: „когда турецкія власти удалились изъ города, то для водворенія порядка, султанъ турецкій назначилъ его губернаторомъ, поручивъ ему управленіе города. Со вступленіемъ же русскихъ войскъ, онъ передаетъ ключи отъ города и проситъ принять хлѣбъ-солі“. Господинъ этотъ по фамиліи Г. Фасъ, имѣлъ въ петлицѣ турецкій орденъ Меджиджія. Генераль Струковъ отвѣтилъ ему: что за хлѣбъ-солі благодаритъ, принялъ ключи, которые мнѣ тутъ же передалъ, и продолжалъ, что съ вступле-

ніемъ русскихъ императорскихъ войскъ въ г. Адрианополь никакихъ управителей отъ султана не можетъ быть. Управление города учреждается имъ отъ представителей каждой народности, которые сейчасъ же приступили бы къ выбору своихъ уполномоченныхъ и къ вечеру выборная комиссія явилась бы къ нему за приказаніями, а теперь чтобы граждане позаботились о продовольствіи войскамъ и немедленно его принести, войскъ же въ городъ онъ не вводитъ, а располагаетъ на бивуакъ. Все сказанное г. Струковымъ было переведено народу переводчикомъ. Воздухъ снова огласился криками ура, и насъ просили ѣхать въ Болгарскую церковь, гдѣ отслужено было краткое молебствіе, закончившееся многолѣтіемъ Государю и криками живіо! и ура!

Нахожу, что г. Струковъ весьма резонно распорядился не вводить войска въ городъ, такъ какъ очень трудно избѣжать было бы, чтобы войска вели себя порядочно, люди не пьянствовали бы и подчасъ не грабили бы. Война портитъ солдата, коль скоро добыча достается ему кровію. Самыя строгія мѣры не всегда удерживаетъ солдата отъ грабежа. Чтобы подать примѣръ, Струковъ просилъ офицеровъ въ городъ не ѣздить, а расположиться по окраинамъ Болгарскаго квартала, противъ котораго драгуны и уланы расположились бивуакомъ. Людямъ и лошадямъ жители принесли сейчасъ же различнаго рода пищу, вареную и сырую, табакъ и вино, лошадямъ доставленъ былъ фуражъ. Я со Струковымъ, братомъ и Востросаблинымъ расположились тоже въ окраинѣ города въ мизерномъ домикѣ. Изъ Семенли слѣдовалъ за нашимъ отрядомъ извѣстный художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, прославившійся картинами Хивинскаго похода. Всю кампанію дѣлаетъ туристомъ, зачерчивая все, что только достойно его художественному вкусу, для того, чтобы впослѣдствіи воспроизвести все на полотнѣ. Человѣкъ онъ очень общежительный, не любилъ только, когда въ разговорахъ касаются его таланта, съ нимъ я очень сошелся и онъ, кажется, располагаетъ написать картину: занятіе Трновскаго моста Московскимъ драгунскимъ полкомъ; взялъ у меня всѣ предметы солдатскаго вооруженія, какъ модель. Не успѣли мы очнуться отъ шумной встрѣчи, какъ начали являться различныя депутаціи, явились съ визитами иностранные консулы, памятна мнѣ фамилія только одного австрійскаго консула Мг. Саксъ. Депеши были посланы г. Скобелеву, главнокомандующему о занятіи Адрианополя, второй столицы Турціи. И странное стеченіе обстоятельствъ двумя полками,

носящими имена г. Москвы—московскимъ драгунскимъ и Петербурга—петербургскимъ уланскимъ; можно сказать, что Москва и Петербургъ заняли Адрианополь.

Самаго города Адрианополя, со всѣми его мечетами и замѣчательными базарами, я и не видалъ, такъ какъ съ бивуака не отлучался, вообще въ отрядѣ дисциплина поддерживалась самая строгая. Городъ былъ сохраненъ въ цѣлости со всѣми его запасами, которыхъ впослѣдствіи оказалось въ громадномъ количествѣ. Подоспѣвшая къ намъ по желѣзной дорогѣ изъ Мустафа-паши пѣхота тоже не была введена въ городъ, а расположена бивуакомъ. Изъ окрестныхъ деревень являлись безпрестанно испуганные, а нѣкоторые и пораненные болгары съ просьбою защитить ихъ отъ черкесовъ и башибузуковъ, которые шайками бродили кругомъ города, грабили и уничтожали деревни, уводили съ собою женщинъ, за нашей малочисленностію помощь всѣмъ нуждающимся не могла быть оказана; слышны были даже выстрѣлы и раненыхъ къ намъ приводили, помню одного мальчика-болгарина съ порѣваннымъ горломъ и проломленною головою. Врачъ уланскаго полка дѣлалъ перевязку.

Генералъ Скобелевъ 9-го января прибылъ въ Адрианополь по желѣзной дорогѣ. Встрѣча тоже была ему сдѣлана, но не столь многочисленная. Рѣшено было усиленно двигать войска впередъ. 10-го января въ 6 час. вечера я вышелъ съ полкомъ, идя опять въ авангардѣ. Генералъ Скобелевъ пропустилъ мимо себя полки, здороваясь и благодаря людей за молодецкую службу. Войска его любятъ за дѣйствительную безукоризненную храбрость, за умѣнье говорить съ солдатомъ и за заботливость о немъ. Но за то ужъ если надо достигнуть какую-нибудь военную цѣль, то, ложатся-ли подъ пули сотни или тысячи, онъ остается непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, увлекаая всѣхъ своею личною храбростію. Прошли мы весь городъ съ музыкою и пѣснями, шли всю ночь и пришли въ 8-омъ час. утра въ деревню Хавса, оставленную только-что черкесами и зажженную въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пожаръ мы потушили и остались до слѣдующаго дня.

Въ тотъ вечеръ со мною случился слѣдующій казусъ: когда Скобелевъ пропустилъ мимо себя полкъ, я отсталъ немного отъ полка по той причинѣ, что подъѣхалъ ко мнѣ одинъ офицеръ полка прапорщикъ Степанцовъ, оставленный за болѣзнію въ г. Бобровѣ, а теперь догнавшій полкъ, сталъ мнѣ передавать нѣкоторыя порученія и сообщилъ мнѣ великую радость, что везетъ мнѣ 16-ть писемъ изъ Казанлыка. Въ разговорѣ съ

нимъ я остановилъ лошадь и не замѣтилъ, какъ полкъ скрылся изъ моихъ глазъ, повернувъ въ одну изъ улицъ, которыя какъ и всѣ улицы восточныхъ городовъ, узки, грязны. По нѣкоторымъ можно только верхомъ проѣхать и то одному, а не двумъ рядомъ. При наступившей же темнотѣ, полкъ просто сгинулъ у меня на глазахъ. Какъ нарочно въ томъ мѣстѣ ни души не было. Болѣе 1½ часу кружилъ я по городу, возвращаясь все къ тому же мосту, гдѣ отсталъ я отъ полка; наконецъ рѣшился поѣхать къ Скобелеву во дворецъ, гдѣ онъ помѣщался, объяснить ему и просить разрѣшенія остаться до свѣта. Засталъ его за ужиномъ, и онъ мнѣ рассказалъ, что съ нимъ такой же случай былъ въ Хивинскомъ походѣ. Мы съ нимъ поужинали, а въ 3 час., какъ только начало свѣтать, я уже съ проводникомъ отправился въ путь, не безъ опасенія быть захваченнымъ дорогою башибузуками или черкесами, которые такъ и шныряли по дорогамъ. Я нагналъ полкъ у самаго селенія Хавса, въ полку тоже произошелъ переполохъ по случаю моего исчезновенія.

Изъ дер. Хавса, направились на г. Эски-Баба, г. Люле-Бургасъ, встрѣчая всюду опустошенія и разореніе отступающихъ турецкихъ войскъ. Черкесы же творили страшныя вѣрства. Въ г. Эски-Баба нашли болгарскаго священника только - что зарѣзаннаго. По всей дорогѣ валялись трупы болгаръ, турокъ, а объ массѣ падали, валявшейся по дорогѣ, представить себѣ нельзя. Шли мы, ежеминутно ожидая нападенія. На ночлегахъ конечно не раздѣвались, ночуя Богъ знаетъ иногда въ какихъ грязныхъ помѣщеніяхъ, а другой разъ и въ роскошныхъ палатахъ, покинутыхъ зажиточными турками. По дорогѣ нагоняли обозы турецкихъ жителей, отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ, удирающія всѣ въ Константинополь. Можно смѣло сосчитать на всѣхъ этихъ повозкахъ со всѣми вооруженными людьми, со стариками, женщинами и дѣтьми отъ 150 до 180 тысячъ народу. Съ помощью нагаекъ обезоруживали эти обозы. Многимъ изъ этой орды предложено было вернуться обратно въ мѣсто ихъ жительства, нѣкоторые послѣдовали доброму совѣту и имъ данъ былъ конвой, для охраненія ихъ отъ братушекъ (болгаръ), которые, гдѣ только имѣютъ возможность, немилосердно душатъ турокъ. Многіе же не пожелали вернуться, то ихъ направляли на г. Родосто, откуда турецкое правительство моремъ перевозило ихъ въ Азію. Къ Константинополю же старались ихъ не допускать, дабы не могли они обнаружить силы нашего авангарда.

Выше упомянутые города и селенія занимались казаками. При нашемъ наступленіи № 3 эскадронъ Уланскаго полка сдѣлалъ лихой набѣгъ на Демотику, въ сторону отъ пути нашего слѣдованія, разрушилъ Салоникскую желѣзную дорогу, отрѣзавъ на ст. Павлово 180 вагоновъ и 5-ть паровозовъ, которые служили потомъ тылу нашего отряда подвижнымъ составомъ желѣзнодорожнымъ. Набѣгъ былъ совершенъ ротмистромъ Свитомъ. Въ Люле-Бургасѣ генер. Струковъ получилъ собственноручную записку отъ великаго князя Николая Николаевича, въ которой написано было: „Спасибо тебѣ и молодецкой первой дивизіи!“

17-го января подходили мы къ г. Чорлу, для занятія котораго посланъ былъ № 1 эскадронъ Уланскаго полка, который имѣлъ встрѣчу съ турецкою кавалеріею, отборною, составляющею конвой султана. Уланы заняли было станцію желѣзной дороги, но вдругъ были атакованы тремя эскадронами черкесъ, имѣли жаркую схватку и должны были отступить.

Дорогою мы получили извѣстіе, что уланы отходятъ, посланы были двѣ сотни казаковъ и эскадронъ Драгунскаго полка на поддержку уланъ. Прибывшее подкрѣпленіе заставило черкесовъ отступить отъ г. Чорлу. У уланъ было 5 убито и 3 человекъ ранено. Тѣла убитыхъ были изрублены, въ особенности одного санитаря. Когда городъ былъ очищенъ отъ черкесовъ, прибывшимъ подкрѣпленіемъ и уланами, народъ вышелъ навстрѣчу съ духовенствомъ, образами и радостными привѣтствіями. Не успѣлъ отрядъ вступить въ городъ, какъ изъ Адрианополя пріѣхалъ флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ и передалъ отряду, что отъ Государя получена депеша, въ которой Его Величество поименно благодарить полки авангарда за службу и успѣхи съ 1-го января. Полки дружнымъ и неумолкаемымъ ура выразили свою признательность монаршему вниманію. Съ 17-го по 23 января простояли мы въ г. Чорлу, устраивая управленіе города, какъ дѣлали и въ прочихъ занимаемыхъ нами городахъ. Ожидалась встрѣча здѣсь и въ окрестностяхъ съ большими непріятельскими отрядами, для чего посылаемы были эскадроны и дивизіоны по разнымъ направленіямъ, къ Мусселиму, встрѣчались лишь однѣ партіи черкесовъ, главная же масса турецкихъ войскъ отошла къ г. Селиври у Мраморнаго моря, г. Чаталджу и къ укрѣпленной позиціи Хадымъ-Кіюй. Января 19-го изъ главной квартиры полученъ былъ конвертъ за печатами Серверъ-паши, съ приказаніемъ немедленно доставить присланный конвертъ на турецкіе аван-

посты; не имѣя положительныхъ данныхъ, гдѣ находится неприятельская цѣпь, генераль Струковъ командировалъ моего брата со взводомъ казаковъ съ парламентерскимъ флагомъ, отвезти конвертъ въ районъ неприятельскаго расположенія на ст. Черкасской, что братомъ и было исполнено. Пакетъ былъ переданъ начальнику станціи подъ расписку. Не скрою, что душа у меня очень была непокойна до возвращенія брата, зная, что турки не всегда уважаютъ парламентерскій знакъ, бывали не разъ примѣры, что открывали огонь по парламентерамъ. Выступление полка изъ Чорлу то назначилось, то отлагалось. Наконецъ 20-го января въ 2 часа дня получена была депеша о перемиріи; на меня это извѣстіе произвело какое-то оцѣпенѣніе, какъ-то не вѣрилось, что предстоитъ конецъ этой ужасной войны. Въ этотъ же день пріѣхалъ въ Чорлу турецкій маіоръ Сиверъ-бей (полякъ по фамиліи Кучковскій) и Кламей-бей, съ письмомъ отъ военнаго министра изъ Константинополя, опять съ извѣщеніемъ, что перемиріе заключено между обѣими сторонами 19-го января въ 7 часовъ вечера. Назначены были границы демаркаціонной линіи, по которой турецкія войска должны были очистить Селиври, Чаталджу, оставить свою укрѣпленную позицію у Хадынъ-Кіюй и отойти назадъ. Радость у всѣхъ засіяла на лицѣ, вопросомъ дня стало: когда и какимъ путемъ доберемся мы до Россіи. Въ тотъ же день вечеромъ, всѣ офицеры отряда поѣхали съ музыкой встрѣчать генерала Скобелева, пріѣхавшаго на дрезинѣ изъ Люле-Бургаса. Встрѣча ему была самая горячая. Января 22-го начальникъ штаба графъ Келлеръ поѣхалъ въ турецкій лагерь къ Мухтаръ-пашѣ для личныхъ переговоровъ и опредѣленія демаркаціонной линіи, взявъ себѣ въ конвой $\frac{1}{2}$ эскадрона драгунъ и уланъ, щегольски подобранныхъ, такъ что всѣ любовались. А на другой день полкъ выступилъ за 40 верстъ въ г. Селиври, лежащій на самомъ берегу Мраморнаго моря. Погода была адская, проходомъ къ Селиври, находимъ, что городъ занятъ еще турецкими войсками. Генераль Струковъ энергично настоялъ, чтобы турецкія войска немедленно бы очистили городъ. Паша отговаривался: что о заключенномъ перемиріи ему извѣстно, но объ очищеніи Селиври онъ не получилъ приказанія. Отвѣтъ Струкова былъ тотъ, что если городъ не будетъ очищенъ тотчасъ же, имъ приняты будутъ мѣры самыя рѣшительныя, и въ нашихъ глазахъ турецкая пѣхота и кавалерія выступали изъ Селиври. Паша просился ночевать въ городѣ, такъ какъ былъ уже 9-ый часъ вечера. Разрѣшенія ему не было дано. По мѣстоположенію своему

Селиври очень красивый городъ, видъ моря и растительность великолѣпные, кипарисы и лавровыя деревья довершаютъ прелесть города. Въ конакѣ (казенный домъ), гдѣ мы остановились, съѣли ужинъ, приготовленный для турецкаго паши. Въ г. Чаталджи прошелъ съ полкомъ я 24-го января. Встрѣчали тоже затрудненія при вступленіи въ городъ. Войска турецкія не хотѣли оставлять, но не получили будто бы приказанія изъ Константинополя. Но доводы генерала Струкова были такъ сильны, что турецкія войска очистили городъ. Г. Чаталджи въ 40 верстахъ отъ Царьграда, армянскій городишко между двухъ морей, Мраморнымъ и Чернымъ моремъ, отъ турецкихъ позицій, верстахъ въ 10-ти, которые по условію перемирія, они должны очистить. Стоимъ здѣсь пятнадцать дней, въ полномъ невѣдѣніи: конецъ войны или нѣтъ? Вопросъ этотъ конечно сильно интересуется всѣхъ, слухи же самыя неблагопріятныя доносятся; говорятъ, турки отказываются подписать условія мира, на томъ основаніи, что не считаютъ въ силахъ выполнить требованія; сражаться тоже будто не желаютъ, а предоставляютъ русскимъ войскамъ занять Константинополь, будучи увѣрены, что послѣдуетъ вмѣшательство иностранныхъ державъ, и тогда возгорится Европейская война. Не дай-то Богъ, чтобъ до этого дожила Россія. Обѣщаютъ, что 19-го февраля все должно рѣшиться.

Объ возвращеніи нашемъ также толкуютъ румыны, на случай если миръ будетъ заключенъ. Предполагаютъ моремъ довести до Одессы, что мало вѣроятія, болѣе же рациональное положеніе, что пойдѣмъ на Галацъ походомъ.

М. Д. Языкова.

